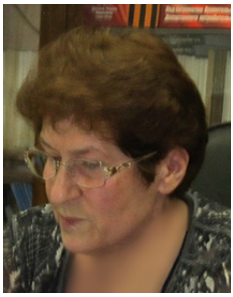
СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Владимир Леонидович Гвоздецкий

кандидат технических наук,
ведущий научный сотрудник
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова
Российской академии наук,
Москва, Россия;
e-mail: gvozdetskij@inbox.ru

Екатерина Николаевна Будрейко

кандидат химических наук,
ведущий научный сотрудник
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова
Российской академии наук,
Москва, Россия;
e-mail: budrejko@inbox.ru



О чем не хотят вспоминать[1]
(К 150-летию Г.М. Кржижановского)

УДК: 658.26(091)
DOI: 10.24412/2079-0910-2022-1-7-32

В статье анализируется влияние реалий советской действительности на судьбы научно-технической интеллигенции в период индустриализации страны. Центральной фигурой ис-

[1] Настоящая работа является завершением исследовательской триады В.Л. Гвоздецкого и Е.Н. Будрейко «Забвению не подлежит». Первая и вторая статьи, «Забвению не подлежит» и «Манифест о намерениях», опубликованы в журнале «Социология науки и технологий» (2020, № 1; 2021, № 1). Статья «О чем не хотят вспоминать» завершает цикл работ о трагической и великой эпохе «Нам осталось десять лет».

© Гвоздецкий В.Л., Будрейко Е.Н., 2022

следования выступает крупный партийный и государственный деятель, вице-президент АН СССР, председатель комиссии ГОЭЛРО и созданного на ее основе Госплана, главный идеолог отечественного энергетического развития, создатель и бессменный директор Энергетического института АН СССР Г.М. Кржижановский.
Тематической основой контекста статьи являются объективные и субъективные обстоятельства, осложнявшие государственную и научно-исследовательскую деятельность Кржижановского. Прелюдией к сюжету «Кржижановский против вредительства» выступает докладная записка заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды о масштабах контрреволюционных выступлений в стране, адресованная И.В. Сталину (1933). Документ позволяет понять причины, по которым авторы сосредоточили свое внимание на сложившейся к концу 1920-х гг. ситуации, когда в стране начала разрастаться кампания по борьбе с вредительством. Анализируются обстоятельства и хроника активной включенности Кржижановского в процессы по выявлению вредителей: обличительные доклады, сделанные накануне суда над Промпартией, разоблачительные публикации с инвективами в адрес конкретных специалистов, а также развернутая формулировка понятия «вредительство», «дорасчистившая» путь к масштабному судебному произволу.
В исследовании в рамках причинно-следственного формата рассматриваются как репутационные потери Кржижановского, обусловленные его включенностью в борьбу с «вредительством», так и одновременное сохранение за ним всех званий и постов, последующее неоднократное награждение высшими государственными наградами.
Авторы не дают однозначных оценок поведению героя, предоставляя такую возможность читателю. При этом они утверждают, что Кржижановский всегда был востребован властью и находил с ней общий язык, а неизбежные ошибки и прегрешения ни в коей мере не умаляют значимости и масштабов сделанного этим, бесспорно, ярким и талантливым человеком.
В статье использованы издания журналов «Плановое хозяйство», опубликованные в 1930-х гг. труды Кржижановского, а также редко и фрагментарно цитируемые работы В.И. Ленина и И.В. Сталина.

Ключевые слова: энергетика, электрификация, электростанция, ГОЭЛРО, индустриализация, пятилетний план, научно-техническая интеллигенция, Госплан, вредительство, промышленная партия, судебный процесс, обвинение, В.И. Ленин, И.В. Сталин.

1. Контекст эпохи

О жизни и деятельности Глеба Максимилиановича Кржижановского написано немало. В разных жанрах, от мемуарно-очеркового до строго научного, рассказывается о его детстве, учебе, арестах и ссылках, студенчестве, женитьбе и поэтическом даре, профессиональном становлении, революционном пробуждении, активнейшем участии в строительстве Советской России, разработке и реализации ГОЭЛРО, обосновании системы социалистического планирования, руководстве наукой в качестве вице-президента АН СССР и постоянном дерзании на главном творческом направлении — развитии энергетики и электрификации страны. Но есть один биографический сегмент, который упоминается редко, вскользь и тем более не анализируется. Речь идет о рубеже 1920–1930-х гг., времени не только очевидных успехов, но и пронизавшего страну беззакония, ассоциирующегося с понятиями вредительства и репрессий. Этому и посвящена данная работа.

Рис. 1. Г.М. Кржижановский выступает с докладом «Хребтовый год пятилетки» на Второй сессии ЦИК СССР (1929)
Fig. 1. G.M. Krzhizhanovskiy making a report "Backbone year of the five-year plan" on the Second session of the CEC of the USSR (1929)

К концу 1920-х гг. в Советском Союзе прошла череда политических судебных процессов в военной, энергетической, транспортной, судостроительной, машиностроительной, металлургической, горной, химической, нефтяной, золотоплатиновой и других отраслях промышленности. Крупнейшим был проходивший в 1928 г. Шахтинский процесс. О масштабах и значимости события говорит пристальное к нему внимание И.В. Сталина. В сделанном им 13 апреля 1928 г. на собрании актива московской организации ВКП(б) докладе дан всесторонний анализ следственного дела, в котором, по мнению руководителя страны, главным было следующее.

Собранные материалы неопровержимо доказали, что шахтинские события представляют собой экономическую контрреволюцию, организованную на средства как эмигрировавших владельцев национализированных после революции угольных предприятий, так и антисоветских капиталистических организаций на Западе. «Мы имеем здесь дело, — утверждал Сталин, — с экономической интервенцией западноевропейских капиталистических организаций в дела нашей промышленности <...> международный капитал думал опрокинуть Советскую власть прямой военной интервенцией. Попытка не получилась. Теперь он старается <...> ослабить нашу хозяйственную мощь путем невидимой, не всегда заметной, но довольно внушительной экономической интервенции, организуя вредительство, подготовляя "кризисы" <...> в промышленности и облегчая тем самым возможность будущей военной интервенции. Тут все увязано в узел классовой борьбы международного капитала с Советской властью» [*Сталин*, 1949, с. 53–55]. И далее докладчик констатирует классовый характер Шахтинского дела, непосредственно связанный с проводимой Советской Россией международной революционной политикой. Анализ шахтинского сюжета завершается выводом о наличии в стране группы буржуазных специалистов, «готовых идти на экономическую интервенцию». Отсюда вытекает главный вывод:

необходимость радикального улучшения работы с кадрами. Это относится к взаимодействию как с инженерным корпусом старой школы, так и с молодыми выпускниками втузов, готовящих кадры «красных командиров производства». Концовка доклада лидера страны носит мобилизационно-предостерегающий характер: «Мы имеем врагов внутренних. Мы имеем врагов внешних <...> шахтинское дело знаменует собой новое серьезное выступление международного капитала и его агентов в нашей стране против Советской власти <...> эти и подобные им выступления <...> будут повторяться. Наша задача — иметь максимальную бдительность и быть начеку» [*Там же*, с. 63, 64].

Рис. 2. И.В. Сталин: «Мы имеем врагов внутренних. Мы имеем врагов внешних» (1928)
Fig. 2. I.V. Stalin: “We have internal enemies. We have external enemies” (1928)

Спустя три с небольшим года, 23 июня 1931 г., И.В. Сталин выступил на совещании хозяйственников при ЦК ВКП(б) с докладом «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства». Один из главных его разделов назывался «Признаки поворота среди старой производственно-технической интеллигенции». Суть раздела заключалась в констатации радикальных перемен, произошедших за три года со времени Шахтинского процесса.

> «Года два назад, — утверждал Сталин, — <...> наиболее квалифицированная часть старой технической интеллигенции была заражена болезнью вредительства. Более того, вредительство тогда составляло своего рода моду. Одни вредили, другие покрывали вредителей, третьи умывали руки и соблюдали нейтралитет, четвертые колебались между Советской властью и вредителями» [*Сталин*, 1951, с. 69].

Отмеченное поветрие сформировалось, по мнению руководителя страны, под влиянием обострения классовой борьбы, наступательной политики советской власти в отношении капиталистических элементов города и деревни, трудностей колхозно-совхозного строительства, сложности международного положения. Если боевая часть вредителей, полагал Сталин, подпитывалась интервенционистскими устремлениями милитаристского Запада, то колебания другой части технической интеллигенции провоцировались вымыслами троцкистов и иных

идеологических двурушников и перерожденцев о неизбежном и скором падении Советской власти. В этих условиях, отмечал Сталин, у власти не было другого выбора в отношении старой технической интеллигенции, кроме как опереться на «политику **разгрома** активных вредителей, **расслоения** нейтральных и **привлечения** лояльных» [*Там же*, с. 70].

Но так было, по свидетельству докладчика, двумя годами ранее. Теперь одних призвали к ответу, другие затихли и попрятались, третьи сотрудничают. А коль скоро удалось разбить активных врагов и найти язык с попутчиками и сменовеховцами, необходимо, полагал вождь, «**изменить отношение к инженерно-техническим силам старой школы, проявлять к ним побольше внимания и заботы, смелее привлекать их к работе — такова задача**» [*Там же*, с. 73]. Таким образом, по мнению руководителя страны, к 1931 г. порядок был наведен, смута рассеяна, отношение к интеллигенции переформатировано.

Прошло шесть лет, и из уст первого лица государства с трибуны Пленума ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. в рамках доклада «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» страна и народ услышали следующее: «...Во-первых, вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, в числе которых довольно активную роль играли троцкисты, задела в той или иной степени все или почти все наши организации — как хозяйственные, так и административные, и партийные.

Во-вторых, агенты иностранных государств, в том числе троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты.

В-третьих, некоторые наши руководящие товарищи, как в центре, так и на местах, не только не сумели разглядеть настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты...» [*Сталин*, 2007, с. 192].

Налицо диаметрально противоположные характеристики смыкающихся друг с другом исторических периодов в жизни страны. Смысл первой: «вредительство подавлено», второй: «враг практически повсюду». Чем руководствоваться в понимании ситуации, какая оценка отражает действительное положение дел? Обратимся к докладной записке заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды на имя И.В. Сталина от 25 декабря 1933 г. «О ликвидации наиболее значимых контрреволюционных организаций в СССР за период с 1930 по 1933 г.»[2]

Приведем перечень наиболее крупных ликвидированных за указанный период контрреволюционных организаций: «Промышленная партия» (подробнее см.: [*Гвоздецкий, Будрейко*, 2020]); контрреволюционная меньшевистская организация «Союзное бюро РСДРП»; военно-офицерская контрреволюционная организация в морских силах РККА; шпионско-вредительская контрреволюционная организация в системе бактериологии; эсеровско-народническая контрреволюция. В отдельную рубрику по отраслям выделены вредительские и диверсионные организации в народном хозяйстве СССР: нефтяная, угольная, военная, машиностроительная, химическая, легкая и лесная, пищевая промышленность, транспорт, черная метал-

[2] Докладная записка ОГПУ о ликвидации наиболее важных к.-р. организаций в СССР за период с 1930 г. по 1933 г. 25 декабря 1933 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://istmat.info/node/62339 (дата обращения: 20.06.2021).

лургия, сельское и лесное хозяйство, органы снабжения. Специальный раздел посвящен националистической контрреволюции и шпионажу (польская, германская, французская и японская разведки).

В рамках настоящей работы особый интерес представляет подраздел, рассказывающий о вредительстве, диверсиях и шпионаже в электроэнергетике. Приведем его полностью:

> «К.-р. ячейка Промпартии в Теплотехническом институте в числе 10 человек инженеров-руководителей различных отделов института ликвидирована в конце 1930 г. К.-р. диверсионная группа “Промпартии” в электрохозяйстве СКК. Эта к.-р. организация в течение ряда лет задерживала развитие энергетического хозяйства страны, ликвидирована в 1931 г. По делу осуждено 11 человек.
>
> К.-р. организация в аппарате Главэнерго, также являвшаяся ячейкой “Промпартии”, ликвидирована в 1931 г. По делу осуждено 16 человек.
>
> К.-р. ячейка “Промпартии” в системе МОГЭСа, в составе 27 человек инженерно-технического персонала вскрыта в 1931 г.
>
> К.-р. организация, созданная и руководимая английской разведкой “Интеллидженс-Сервис” через представителей фирмы “Метрополитен–Виккерс” в Советском Союзе, вскрыта в 1931 г. Организацией были охвачены крупнейшие энергетические сооружения Советского Союза, как-то: Ленинградские станции, Волховстрой, Электроток Азнефти, Шатурская ГЭС, МОГЭС, Горьковская ГРЭС, Днепрострой и др. Осуществлены авария с ротором генератора 17,5 тыс. кВт на 1-й МГРЭС и на нефтяных промыслах в Грозном, взрыв крекингового завода. По делу осуждено 83 человека.
>
> К.-р. диверсионная шпионская организация английской разведки “Интеллидженс-Сервис”, снова созданная в 1931–1932 гг. на электростанциях Советского Союза, ликвидирована в 1933 г. Организацией были охвачены: станция Мосэнерго, Зуевская, Штеровская, Бакинская, Челябинская, Ивановская, Горьковская, Златоустовская и др. По делу осуждено свыше 120 человек.
>
> В течение 1932–1933 гг. было вскрыто 7 аналогичных к.-р. организаций из ряда электростанций Советского Союза, созданных агентурой германской разведки.
>
> На пылезаводе Каширской электростанции диверсионная группа из 11 человек под руководством Платонова А. Технические указания, как совершать аварии, диверсионной группе давал монтер немецкой фирмы “АЕГ” Мюльберг.
>
> К.-р. диверсионная группа из Штеровской электростанции, созданная представителями фирмы “Сименс-Шуккерт–Бросс и Нейгаузен”, состоявшими членами германской национал-социалистической партии, вскрыта в 1932 г. В организацию были также завербованы лица со Штеровского динамитного завода для подготовки захвата взрывчатых веществ. По делу осуждено 48 человек.
>
> К.-р. фашистская диверсионная и шпионская организация на Каширской ГРЭС была создана в 1931 г. представителями немецкой фирмы “Сименс-Шуккерт”: д<окто>ром Граббе, инженером Броссом и шеф-монтером. Вскрыта ОГПУ в 1933 г. Аналогичные фашистские организации были созданы Броссом и Граббе на электростанциях важнейших промышленных центров Союза, как-то:

на Украине, на Северном Кавказе, Урале и т. д. На Каширской ГРЭС организация провела ряд диверсионных актов. По делу привлечены 49 человек.

Фашистская диверсионная группа на Магнитогорской ГРЭС была ликвидирована в 1933 г. Организатором ее являлся германский специалист Гартман. По делу привлечено 5 человек.

К.-р. шпионско-диверсионная организация на Урале создана и руководилась шеф-монтером швейцарской фирмы "Броун-Бовери", германским подданным Либгардтом. Вскрыта ОГПУ в 1933 г. Диверсионной деятельностью к.-р. организации были поражены Нижне-Тагильская, Кушвинская, Березниковская электростанции, Кушвинский металлургический завод, медный рудник "III-й Интернационал", военные заводы №№ 63 и 72. По делу осуждены 26 человек.

К.-р. фашистская диверсионно-шпионская организация на "СевдонГРЭС", созданная и руководимая немецкими специалистами Ниссингом и Домшальским, вскрыта в июле 1933 г. Организация проводила также работу на заводе "Донсода" и в немецких колониях Лисичанского, Артемовского, Мелитопольского районов, ЦЧО и других местах. По делу арестовано 66 человек.

Кроме того, на ряде электростанций Советского Союза в конце 1932 и в 1933 г. вскрыты к.-р. диверсионные группы, осуществившие ряд диверсионных актов, созданные и руководимые активными контрреволюционерами из числа русских специалистов, не связанных с иностранными агентурами (Воронежская ГРЭС, Запсибэнергострой, Уралэнерго)[3]»[4].

Знакомство с докладной запиской Ягоды поможет читателю осознать сложившуюся к 1930 г. в стране обстановку, в которой пришлось работать Г.М. Кржижановскому, занимая ответственнейший пост председателя Госплана. Это был передний политический край с непредсказуемым завтрашним днем.

2. Диктат обстоятельств

Должность главного идеолога планового развития народного хозяйства первого в истории социалистического государства неизбежно несла в себе большие трудности, связанные с неизведанностью избранного пути.

Уже вскоре после одобрения VIII Всероссийским съездом Советов предложенной комиссией ГОЭЛРО программы электрификации жизнь стала вносить неожиданные коррективы, многое пошло не так, как намечалось. Среди объективных и неупреждаемых факторов, резко снизивших стартовые темпы реализации плана, был катастрофический неурожай 1921 г. Исключительность его масштабов вынудила руководство страны пойти на пересмотр государственного бюджета. Это привело

[3] Впоследствии в процессе пересмотра перечисленных выше судебных дел была установлена полная их немотивированность и вымышленность трактовки доказательной базы, осужденные реабилитированы.

[4] Докладная записка ОГПУ о ликвидации наиболее важных к.-р. организаций в СССР за период с 1930 г. по 1933 г. 25 декабря 1933 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://istmat.info/node/62339 (дата обращения: 20.06.2021).

к значительному сокращению финансирования программы энергетического строительства.

Крайне негативно на проведении электрификации сказался топливный кризис. Речь шла о вынужденном, в результате разрушения транспортной инфраструктуры, отказе от использования в Центрально-промышленном регионе России бакинской нефти и донбасских углей и переходе к использованию местных топливных ресурсов. В 1920 г. в работе «Основные задачи электрификации России» Г.М. Кржижановский писал: «Нам приходится приступить к переоценке топливных ценностей. Мы не можем рассчитывать на быструю поправку в направлении угля и нефти. Восстановление донецких копей, борьба с транспортной разрухой — работа ряда лет. Дальнейшее налегание на дрова грозит государству специфическими бедами, связанными с обезлесением громадных площадей <...> ясно, что следует отнестись с особым вниманием к тем перспективам, которые открывает использование торфа. Для всего центра и северо-запада России наилучшим местным топливом является торф <...> Наиболее совершенным образом торф утилизируется как топливо для районных электрических станций <...> Районным электрическим станциям на торфе предстоит громадная будущность» [*Кржижановский*, 1957, с. 23, 24, 32, 33]. Данная оценка соответствовала ситуации, но материальные, кадровые и временные затраты оказались выше, поскольку речь шла о пересмотре структуры ресурсной базы всей теплоэнергетики.

Большие трудности в реализации намеченного несли в себе нехватка инженерных кадров и квалифицированного рабочего персонала, а также неразвитость отечественного машиностроения. Необходимо также учитывать цейтнот, в котором разрабатывался план, что неизбежно вело к упущениям и недоработкам.

Понимая все сложности реализации плана, Г.М. Кржижановский и его команда руководствовались принципом минимализма. Выступая 2 октября 1921 г. на VIII Всероссийском электротехническом съезде с докладом «О работах государственной комиссии по электрификации России», Глеб Максимилианович сообщил о ста предложенных к возведению электростанциях как суммарной величине заявок ведущих промышленных районов и тут же добавил: «Мы же выделили из 100 станций только 27, потому что принимали во внимание теперешний развал, потому что мы отдаем себе отчет, что в такой период, какой мы переживаем сейчас, когда голод на юго-востоке является разлагающим началом, было бы странно думать о пышном расцвете нашего строительства в деле электрификации. Эта осторожность и дала нам право урезать в четыре раза предложения наших районов...» [*Там же*, с. 237]. Решение комиссии было логичным, но уязвимым.

Дальновидный Г.М. Кржижановский, по-видимому, допускал возможность развития событий по самым различным сценариям и на случай необходимости доказательства невиновности своей и своих коллег отметил: «...Россия сможет примерно в десятилетний срок осуществить намеченную программу в том случае, если создастся известная обстановка не только российская, но и мировая, благоприятствующая созидательной работе» [*Там же*, с. 236], и как бы невзначай, на всякий случай, провидчески добавил: «...я лично глубоко убежден, что <...> намеченная нами программа окажется минимальной, что мы здесь сделали ошибку в сторону преуменьшения» [*Там же*, с. 237]. Таким образом, с одной стороны, была констатирована необходимость наличия определенных условий для выполнения плана, а с другой, личная убежденность в ошибочно низком стартовом количестве

намеченных к возведению станций. Время показало, что высказанные Кржижановским гибкие оценки судьбы плана оказались «политическим протектором» его будущего.

Говоря о стартовых шагах Глеба Максимилиановича, направленных на минимизацию личной ответственности в случае фиаско плана ГОЭЛРО как государственной стратегии развития, отметим следующее. В.И. Ленин, при всей его энциклопедичности, в рамках разработки и реализации плана выполнял исключительно политическую функцию «толкача» и гаранта продвижения проекта в условиях консолидированного противодействия его критиков. В хозяйственно-экономической и научно-технической сферах интеллектуальным лидером выступал Кржижановский: он определял идеологию, концепцию и реперные точки программы. Глеб Максимилианович формировал в сознании руководителя страны оптимальный вариант промышленно-энергетического возрождения, его траекторию и логистику. Именно на этой основе функционировал тандем лидеров, генерировавших матрицу проекта, в основу реализации которого были положены принципы предварительности, дискуссионности и эскизности. Тезисы «мы только в начале пути» и «план готов лишь в первом приближении» стали своего рода творческим императивом Кржижановского и послужили ему в дальнейшем защитой от непредвиденных трудностей и рожденных ими критических стрел оппозиции.

В течение всего времени разработки программы электрификации (январь 1920 — декабрь 1921 г.) ее недоброжелатели и критики неизменно были в большинстве. Это относилось и к верхним эшелонам власти. Л.Д. Троцкий, А.И. Рыков, В.П. Милютин, Ю. Ларин (М.З. Лурье), В.П. Ногин, В.В. Осинский, Л.Н. Крицман и другие занимали критическую позицию в отношении плана с точки зрения и содержания, и организации работы, и своевременности его выполнения. Среди малочисленной части правящей элиты, поддерживавшей детище Ленина и Кржижановского, был И.В. Сталин.

Как убежденный государственник, Сталин видел в деятельности Кржижановского мощный ресурс индустриального развития и стремительного укрепления обороноспособности растерзанной и слабой страны. Кроме того, будущему советскому лидеру как профессиональному революционеру импонировала фанатическая нетерпимость молодого радикала к царившим в империи социальным контрастам, его художественная одаренность, родившая знаменитые «Варшавянку (Вихри враждебные)» и «Беснуйтесь, тираны». Именно через призму активизации созидательных настроений масс и необходимости экстренного оборонно-промышленного рывка Сталин заинтересованно наблюдал за перипетиями рождения плана и выразил свою позицию в резонансном, написанном в марте 1921 г., письме к Ленину [*Сталин*, 1947, с. 50, 51]:

> «Тов. Ленин!
>
> Последние 3 дня я имел возможность прочесть сборник **“План электрификации России”**. Болезнь помогла (нет худа без добра!). Превосходная, хорошо составленная книга. Мастерский набросок действительно **единого** и действительно **государственного** хозяйственного плана **без кавычек**. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технически-производственной базы.

Помните прошлогодний “план” Троцкого (его тезисы) “хозяйственного возрождения” России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда неквалифицированной **крестьянско-**рабочей массы (трудармии). Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом ГОЭЛРО! <...> А чего стоят десятки “единых планов”, появляющиеся то и дело в нашей печати на позор нам, — детский лепет приготовишек <...> Или еще: обывательский “реализм” (на самом деле **маниловщина**) Рыкова, все еще “критикующего” Гоэлро и по уши погрязшего в рутине <...>

Мое мнение:

не терять больше ни одной минуты на болтовню о плане;

н а ч а т ь немедленный **п р а к т и ч е с к и й** приступ к делу;

интересом этого **приступа** подчинить по крайней мере 1/3 нашей работы (2/3 уйдет на “текущие” нужды) по ввозу материалов и людей, восстановлению предприятий, распределению рабочей силы, доставке продовольствия, организации баз снабжения и самого снабжения и пр.

Так как у работников Гоэлро, при всех хороших качествах, все же не хватает здорового практицизма (чувствуется в статьях профессорская импотентность), то обязательно влить в плановую комиссию к ним людей живой практики, действующих по принципу “исполнение донести”, “выполнить к сроку” и пр.

Обязать “Правду”, “Известия”, особенно “Экономическую жизнь” заняться популяризацией “Плана электрификации” как в основном, так и в конкретностях, касающихся отдельных областей, памятуя, что существует **только один** “единый хозяйственный план”, — это “план электрификации”, что все остальные “планы” — одна болтовня, пустая и вредная.

Ваш ***Сталин***».

В последующие годы Сталин неоднократно обращался к теме ГОЭЛРО, видя в нем один из главных путей преодоления экономической зависимости от Запада и ликвидации предпосылок к реставрации капитализма в СССР. При этом он, как правило, апеллировал к трудам и политическому радикализму Ленина. В сделанном 19 ноября 1928 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) докладе «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)» Сталин в качестве политического аргумента неизбежности индустриализации с опорой на электрификацию, обращаясь к написанной Лениным в 1921 г. работе «О продналоге», привел следующую цитату:

«**Если** электрификация через 10–20 лет, ни капли не страшен индивидуализм мелкого земледельца и свободная торговля **его** в местном обороте. **Если** не электрификация, **все равно** неизбежен возврат к капитализму» [*Сталин*, 1949, с. 255].

Однако по мере попыток реализации плана Сталин не мог не реагировать на вопиющее несоответствие изложенных в программе намерений и сроков графику проводимых работ. К концу 1925 г., т. е. через пять лет после одобрения VIII съездом Советов плана, были введены в строй лишь три крупных станции: Волховская ГЭС, Каширская и Шатурская ТЭС, начало проектирования и строительства которых предшествовало созданию комиссии ГОЭЛРО.

Дальнейшие события развивались по-прежнему медленнее, чем того требовали внутреннее положение и международная обстановка. Именно этим объяснялось принятие Г.М. Кржижановским нелегкого для него решения о пересмотре плана. На состоявшемся 23 июня 1925 г. специальном заседании президиума Госплана был заслушан его доклад «К пересмотру плана ГОЭЛРО» и принята поддерживающая позицию председателя резолюция (подробнее см.: [*Кржижановский*, 1933, с. 237–254]).

Решение об издании переработанного плана не было реализовано. В соответствии с директивами власти главной задачей стала подготовка пятилетнего плана народно-хозяйственного строительства СССР (первый пятилетний план). Переформатирование плановой деятельности не способствовало мгновенному ускорению электрификации. В связи с этим к работе по подготовке плана развития народного хозяйства на ближайшую пятилетку был привлечен Высший совет народного хозяйства (ВСНХ). Фактор завуалированной состязательности двух крупнейших хозяйственных структур вселял надежду на преодоление ситуации, близкой к стагнации. Необходимость индустриального рывка была очевидна и продолжала нарастать. Об этом свидетельствует график реализации плана.

На 1 января 1929 г., т. е. на девятый год выполнения плана ГОЭЛРО, ситуация выглядела следующим образом: из тридцати запланированных станций четыре частично были введены в эксплуатацию: «Красный Октябрь» (бывшая «Уткина Заводь»), Каширская, Кизеловская ГРЭС, Егоршинская ГЭС; число не введенных станций составляло двенадцать: Ивановская, Ижевская, Саратовская, Сталинградская, Краснодарская, Грозненская, Алтайская, Кузнецкая, Штеровская, Челябинская ГРЭС, Нижне-Свирская, Днепровская ГЭС. Несостоявшихся энергообъектов было двенадцать: Верхне-Свирская ГЭС, Кашпурская, Белгородская ГРЭС, Терская, Кубанская ГЭС, Епифанская, Свияжская, Белокалитвинская, Лисичанская, Гришинская ГРЭС, Туркестанская, Чусовская ГЭС. И только две генерации были введены на запланированную мощность в срок: Волховская ГЭС и Шатурская ГРЭС. Сложившаяся ситуация вызывала у руководства страны замешательство и тревогу. Следствием этого стало включение в первый пятилетний план полностью или частично нереализованных наработок комиссии ГОЭЛРО, иными словами — «растворение» программы электрификации в первом пятилетнем плане (подробнее см.: [*Гвоздецкий, Будрейко*, 2021]). Произошла своего рода научно-техническая реинкарнация плана ГОЭЛРО, а следом — стремительный рост в разы единичных мощностей генераций при одновременном увеличении их численности. Линейка намеченных к новому прочтению запланированных в 1920–1921 гг. электростанций пополнилась десятью новыми, из которых наиболее крупными были Дубровская, Бобриковская (позже Сталиногорская) и Зуевская ГРЭС. В итоге задание по энергетическому развитию в рамках первого пятилетнего плана было перевыполнено, а главными героями дня стали Высший совет народного хозяйства и его председатель В.В. Куйбышев (подробнее см.: [*Там же*, 2021]).

Вскоре после репутационных осложнений в борьбе за лидерство при подготовке пятилетнего плана самолюбие Г.М. Кржижановского было уязвлено вторично. Сменив в 1930 г. на посту председателя СНК А.И. Рыкова, В.М. Молотов подверг резкой критике доктрину ведущей роли электрификации в развитии народного хозяйства, что подразумевало корректировку, а местами и ревизию теоретических основ индустриализации, включая ленинский тезис о ГОЭЛРО как второй программе

партии. «Ведущая роль в завершении технической реконструкции, — отмечал Молотов, — принадлежит советскому машиностроению» [*Маркин*, 1965].

В последующие годы в вопросе энергетического развития Молотов поддерживал еще одну дискуссионную точку зрения: необходимость установления мощностного потолка для турбогенераторов и станций в целом в 25 тыс. кВт. Как свидетельствовали специалисты и как показал зарубежный опыт, ограничение потенциала генераций неизбежно приводило к снижению эффективности энергопроизводства. Однако нараставшая милитаризация стран Европы вынуждала ориентироваться на стратегическую необходимость рассредоточения энергетических объектов путем создания сетевых территорий с максимально возможным количеством маломощных генераций вплоть до возведения муляжей электростанций (подробнее см.: [*Там же*, с. 596, 597]).

Критика В.М. Молотова имела определенные основания. Как крупнейший энергетик, Кржижановский иногда идеализировал любимую область знания, трактуя ее почти как панацею от всех бед человечества. При этом особое внимание председатель комиссии ГОЭЛРО уделял теоретизации, выработке моделей и концепций развития. На это неоднократно обращал внимание В.И. Ленин.

Осознавая тяжелейшее положение Советской республики, вождь революции в процессе подготовки к VIII съезду Советов и после его проведения, т. е. в течение 1920–1921 гг., придавал особое значение доходчивому информированию народных масс о положении дел в стране и принимаемых мерах по их улучшению. Об этом, в частности, свидетельствует критический тон его записки к Кржижановскому от 26 сентября 1920 г. по поводу материалов к предстоящему народному форуму: «...мы имеем только “схемы” и “планы” *далекие,* а *близкого нет.*

Чего именно ***(точно)*** не хватает для *“ускорения пуска в ход существующих электростанций”?*

В этом гвоздь. А об этом ни слова.

Чего не хватает? Рабочих? Квалифицированных рабочих? Машин? Металла? Топлива? Чего другого?» [*В.И. Ленин об электрификации*, 1964, с. 115].

После одобрения VIII съездом Советов плана ГОЭЛРО активизировались его критики. Большую озабоченность В.И. Ленина вызвали опубликованные в «Экономической газете» от 19 февраля 1921 г. тезисы заместителя председателя ВСНХ В.П. Милютина, ратовавшего за более фундаментальный и аналитический подход к реализации программы. Комментируя милютинскую публикацию, Ленин в письме к Кржижановскому отмечал: «Самая большая опасность, это — забюрократизировать дело с планом государственного хозяйства.

Это опасность великая. Ее не видит Милютин.

Очень боюсь, что, иначе подходя к делу, *и Вы не видите ее.*

Мы нищие. Голодные, разоренные нищие.

Целый, цельный, настоящий план для нас теперь — “бюрократическая утопия”.

Не гоняйтесь за ней.

Тотчас, не медля ни дня, ни часа, по кусочкам *выделить* **важнейшее,** минимум предприятий и **их поставить**...» [*Ленин*, 1967, с. 76].

Несмотря на политический фанатизм в отношении плана ГОЭЛРО, Ленин с доверием относился к действиям военизированно-охранительных структур в отношении как сторонников, так и критиков программы электрификации страны. В рамках деловой переписки по подготовке и реализации плана Ленин

в послании Кржижановскому от 5 июня 1921 г. оставил небезынтересную приписку:

> «По секрету:
>
> В Питере открыт новый заговор. Участвовала интеллигенция. Есть профессора, не очень далекие от Осадчего. Из-за этого куча обысков у его друзей *и справедливо*.
>
> *Осторожность!!!*» [*В.И. Ленин об электрификации*, 1964, с. 217].

Кржижановский с пониманием воспринимал советы Ленина, даже тогда, когда они заключали в себе жесткую критику. На пленарном заседании президиума Госплана в сделанном 23 июня 1925 г. докладе «К пересмотру плана ГОЭЛРО» он сказал: «Когда 5 лет назад впервые начал функционировать Госплан, я в своей вступительной речи отправным пунктом для работ Госплана считал план электрификации <...> направил свою речь Владимиру Ильичу для отзыва. Он мне ответил письмом, в котором говорилось: “Вы, т. Кржижановский, мне кажется, делаете ошибку: я, конечно, считаю работу по электрификации <...> большой заслугой <...>. Но я бы сейчас сделал другое вступление в работу Госплана”.

Тогда, если помните, на нас давил топливный кризис. Мы вообще в 1921 г. переживали ряд кризисов.

Теперь ситуация резко изменилась <...> основная задача всей работы по пересмотру плана электрификации <...> вложить в него конкретное содержание того богатейшего опыта, который за эти 5 лет накоплен Госпланом» [*Кржижановский*, 1933, с. 237, 238].

Говоря о переписке Ленина с Кржижановским, заметим, что Глеб Максимилианович был конфидентом вождя не только по линии плана электрификации. В обращениях в советские и партийные органы по вопросам поддержания здоровья «главного истопника и осветителя» России вождь также был последователен и настойчив.

Летом 1921 г. в результате перегрузок и плохого питания резко ухудшилось здоровье Кржижановского. Ленин тотчас же пишет в Оргбюро ЦК ВКП(б): «Прошу обязать председателя Госплана т. Кржижановского выехать в Ригу <...> дабы там пробыть 1 месяц для лечения и отдыха» [*Гвоздецкий*, 2005, с. 17].

Чем руководствовался в своих хлопотах Ленин? Были ли его поступки проявлением сердечного порыва, душевной обеспокоенности, человечности, или в демонстрируемой заботе он руководствовался прежде всего прагматическими соображениями государственного деятеля? На этот вопрос предельно откровенно ответил сам Ленин. В ходатайстве об отправке Кржижановского на лечение он пишет: «...председатель Госплана почти надорвался. Его *ремонт* необходим и неотложно необходим (курсив наш. — *Прим. авт.*)» [*Там же*, с. 17].

Для Ленина забота о здоровье кадров — это, как он выражался, «охрана и сбережение госимущества». Люди воспринимались им как механизмы, которые должны быть в исправности, а значит, им нужны периодические и своевременные ремонт и профилактика.

Внимание Ленина к здоровью Кржижановского восходит к декабрю 1897 г., когда их ссыльные пути пересеклись в сибирском селе Шушенском. Глеб Максимилианович пребывал в угнетенном состоянии: его не покидали простуда, недомога-

ние, хандра. Владимир Ильич принял на себя функции врача широкого профиля, и здоровье пациента стало постепенно налаживаться. С годами в окружении Кржижановского сложилось мнение о нем как о человеке с недостаточно большим жизненным ресурсом, требовавшим к себе внимания и профилактических действий. Уязвимость здоровья давала о себе знать в течение всей жизни.

Таким образом, к началу 1930-х гг. сложился ряд серьезных проблем, отягощавших нелегкую и нервную деятельность Кржижановского сначала на посту председателя комиссии ГОЭЛРО, а чуть позже руководителя Госплана. Основными из них были:

— новизна планирования как главного методологического средства государственного строительства;
— неотлаженность взаимоотношений новых госструктур;
— недостаточность материально-технической и финансовой баз разворачивавшейся индустриализации;
— заниженность числа намеченных к возведению электростанций;
— смещение графика ввода новых мощностей в сторону окончания плановых сроков;
— наложение графика реализации ГОЭЛРО и первого пятилетнего плана;
— цейтнот;
— постоянные упреки в излишнем покровительстве и продвижении как энергетики, так и электрификации в целом;
— голод в стране;
— лабильность здоровья.

Тем не менее, благодаря великолепной организации рабочего процесса, безошибочному чувству людей, ситуации и времени, Глеб Максимилианович справлялся с многочисленными служебными нагрузками.

3. Свой среди чужих, чужой среди своих

Приближались 1930-е годы. Советскую Россию постепенно сковывала зловещая и труднообъяснимая трагедия. Страну охватывала вакханалия борьбы с вредительством и изобличением врагов народа. Беда вплотную приблизилась и к Кржижановскому.

С точки зрения табели о рангах Глеб Максимилианович неформально занимал одну из высших после председателя СНК ступеней в иерархической вертикали управления хозяйственной деятельностью в стране. Принадлежность к высшему кругу руководства поставила его перед необходимостью публичного поддержания набиравшей силу кампании по борьбе с вредительством. Скорее всего, это был тяжелый для Кржижановского нравственный выбор, но альтернативы ему, по-видимому, не было.

Глеб Максимилианович не мог не понимать истинную подоплеку осуществлявшегося беззакония. Во-первых, необходимо было объяснить народу причины беспрецедентной аварийности на производстве и постоянные цейтноты в проведении индустриализации. Честный ответ был заменен кампанией борьбы с вредительством. Во-вторых, и это главное, требовалось активизировать участие научно-технической интеллигенции в промышленно-экономическом развитии страны. В качестве средств воздействия на нее были выбраны принуждение и страх.

Участие Кржижановского в неблаговидной кампании поначалу носило мягкий характер. Но после Шахтинского дела охранительный тон его выступлений становится более жестким. В 1929 г. у Глеба Максимилиановича, по-видимому, окончательно складывается понимание сущности трагизма времени и того, как не оказаться среди его жертв. В сделанном в конце ноября 1929 г. на второй сессии ЦИК СССР докладе «Хребтовый год пятилетки» он сказал: «Наша хозяйственная деятельность — это не чисто хозяйственная работа, она является работой политической. Каждый советский хозяйственник должен отдавать отчет в том, что он одновременно политик, а каждый наш политик должен быть одновременно и хозяйственником. И если некоторые хотят устроиться как-то так, в виде особого клинушка в великом строительстве, и заявить, что они только службу несут, но в политику не вмешиваются, то не верьте им: они сами не верят подобного рода положению. Не может быть аполитичности в нашей стране. Кто не с нами, тот против нас.

Это как раз и подтвердили вредительские процессы, прошедшие в истекшем году. Они показали, что попытка отгородиться от хозяйственного строительства, проходящего под знаком диктатуры пролетариата, неминуемо приводила людей во вражеский лагерь. Мы воочию убедились, как прав был старик Энгельс, который предсказывал, что как только пролетариат развернет свою огромную революционную преобразовательную работу, так ему немедленно изменят те, кого он называл “кислым творогом интеллигенции”. Одна измена последует за другой так же, как это было при развитии французской революции. И я бы сказал, что сейчас мы вошли в такой период хозяйственного строительства, когда состояние политической безмятежности в хозяйственной работе, аполитичности в хозяйственных делах, состояние хозяйственного болота — есть вредительство» [*Кржижановский*, 1957, с. 313, 314]. Зловещая сущность сказанного усугублялась огромным авторитетом Глеба Максимилиановича в кругах старых большевиков, партийных руководителей, ученых и производственников, всего энергетического сообщества. Воцарились растерянность и непонимание при одновременной удовлетворенности тех, кто раскручивал набиравший силу произвол.

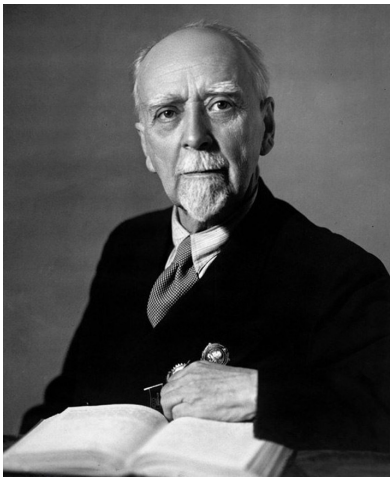


Рис. 3. Г.М. Кржижановский: «Кто не с нами, тот против нас» (1929)
Fig. 3. G.M. Krzhizhanovskiy: “Whoever is not with us is against us” (1929)

Доктрина Кржижановского стала своего рода мандатом на причисление к вредителям всех, кто имел отличную от официальной точку зрения или занимал позицию «над схваткой». Она дорасчистила путь к расправам над невиновными, среди которых было немало энергетиков. Многие из ближайшего окружения Кржижановского уже находились в черном списке. Это заместитель председателя Госплана П.С. Осадчий, председатель топливной секции и член президиума Госплана В.А. Ларичев, заместитель председателя промышленной секции Госплана Л.Г. Рабинович, председатель секции электрификации Госплана А.А. Горев, крупнейший экономист в области энергетического развития, член президиума Госплана В.Г. Громан, другие ответственные работники Госплана. В список «прокаженных» попали и такие выдающиеся специалисты, как Н.Н. Вашков, В.Д. Кирпичников, Е.Я. Шульгин, С.А. Кукель-Краевский, М.Л. Коменецкий, В.А. Базаров и другие. Практически со всеми из них Кржижановский был близко знаком по работе в комиссии ГОЭЛРО, а позже в Госплане. Особо тесные узы связывали его с Л.К. Рамзиным, автором трех доминантных глав плана ГОЭЛРО: «Электрификация и топливоснабжение», «Электрификация и промышленность» и «Электрификация Приволжского района». Позже Леонид Константинович по рекомендации В.И. Ленина был введен в состав президиума Госплана с сохранением за ним должности директора Всесоюзного теплотехнического института (ВТИ). После десяти лет тесных, основанных на взаимопонимании и профессиональном единомыслии отношений, Леонид Константинович Рамзин предстал главной вражеской фигурой в изобличительных изысканиях Кржижановского на тему вредительства.

Логика подсказывала, что Кржижановскому не избежать судьбы своих сослуживцев и друзей. Опыт подпольщика, исследователя и крупного хозяйственника, а также трудности и просчеты в период руководства комиссией ГОЭЛРО и Госпланом свидетельствовали в пользу немедленного ухода с должности руководителя главного планового органа страны. Кржижановский сообщил Сталину о намерении подать в отставку. После недолгого раздумья вождь произнес: «Уходить, по-моему, не нужно» и, чуть помолчав, с иронией добавил: «Но если уж решили, уходите не совсем — оставляйте, по крайней мере, на вешалке Госплана свою шляпу» [*Карцев*, 1980, с. 339]. 10 ноября 1930 г. вышел приказ об освобождении Г.М. Кржижановского от должности председателя Госплана СССР.

Воцарилась полная неопределенность в дальнейшей судьбе Глеба Максимилиановича. В любой день, как полагал он, могло произойти худшее. Именно этим дням посвящены его щемяще-исповедальные строки [*Там же*, с. 333]:

Весна сменялася весною,
И обновлялся жизни ход.
Победоносной чередою
За годом Октября шел год.

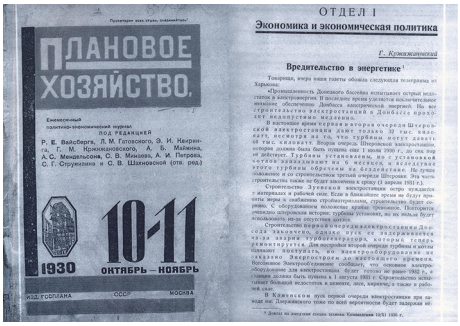
Не миновали нас печали,
Нелегок был наш переход;
От старых берегов отчалив,
Не всяк до новых доплывет.

Состояние «подвешенности», в котором пребывал Г.М. Кржижановский, подталкивает его к активизации на ниве борьбы с вредительством. 19 и 23 ноября 1930 г.

он дважды выступает в Коммунистической академии с докладом «Вредительство в энергетике». В его основу были положены материалы процесса над Промпартией. Процесс начался 25 ноября, и, как показывает сравнительный анализ стенограммы судилища и опубликованного текста выступлений Кржижановского, докладчик был заранее ознакомлен с материалами дела (см.: [*Кржижановский*, 1930a, 1930b, 1931, 1933; *Процесс Промпартии*, 1931].

Главным обвиняемым по сценарию инспирированного процесса был назван уже бывший директор ВТИ, а ныне подсудимый, руководитель антисоветской организации «Промпартия» Л.К. Рамзин. Согласно режиссуре, Г.М. Кржижановский, по-видимому, должен был выплеснуть обличительный гнев своих докладов и их публикаций прежде всего на назначенного идеологом и главой Промпартии, а в действительности далекого от политики крупнейшего ученого-энергетика Леонида Константиновича Рамзина. Трагизм ситуации усугублялся теплыми уважительными отношениями ученых друг к другу. Впервые их пути пересеклись до революции, а последовавшие за тем события, прежде всего ГОЭЛРО и Госплан, трансформировали служебное взаимодействие двух ученых в творческий союз симпатизировавших друг другу талантов.

Доклад Кржижановского «Вредительство в энергетике» был сделан практически накануне открывавшегося в Колонном зале суда [*Кржижановский*, 1933]. Одновременно его выступление было помещено в главном печатном органе Госплана «Плановое хозяйство», в сдвоенном выпуске за октябрь и ноябрь 1930 г. [*Кржижановский*, 1930a]. Объединенный номер был полностью посвящен борьбе с вредительством и открывался текстом Кржижановского — своего рода передовицей. Очевидно, Глеб Максимилианович не мог не пойти на это непристойное, обрушившее его репутацию действо. Его вынудили к этому не только прагматика, но и служебный расклад. В течение десяти лет Л.К. Рамзин был правой рукой Кржижановского, а начиная с работы в Госплане, к Леониду Константиновичу присоединился и В.А. Ларичев — главный специалист по планированию, добыче и использованию энергетических ресурсов. Любая попытка избежать постыдной миссии неизбежно привела бы Г.М. Кржижановского в ряды вредителей.


ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Ежемесячный планово-экономический журнал

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Р. Е. Вайсберга, Л. М. Гатовского, Э. И. Квирина, Г. М. Кржижановского, А. Б. Майзина, А. С. Мишельсона, С. В. Минина, А. И. Петрова, С. Г. Струмилина и С. В. Шахновской (отв. ред.)

10-11

1930 ОКТЯБРЬ—НОЯБРЬ

ИЗД. ГОСПЛАНА СССР МОСКВА

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

Г. Кржижановский

Вредительство в энергетике[1]

Рис. 4. Научная журналистика не была в стороне
Fig. 4. Scientific journalism was not aside

Свое изыскание Кржижановский начинает с изложения пришедшего из Харькова сообщения о трудностях в снабжении электроэнергией промышленности Донбасса. Штеровская ГРЭС вырабатывает лишь 32 тыс. кВт, хотя ее плановый ре-

сурс составляет 64 тыс. кВт. Нарушены сроки ввода второй очереди станции, пуск которой планировался на 1 июля 1930 г. Причина — в задержке монтажа парогенератора. Нависла угроза срыва работ по Зуевской ГРЭС. Строительство станции испытывает острый дефицит в стройматериалах, рабочей силе и техническом обеспечении монтажных работ. График ввода в эксплуатацию электростанции Донсода сорван из-за аварии при пуске турбогенератора, поставленного после этого на ремонт, и срыва графика поставок электрооборудования. В целом, согласно поступившей с Украины информации, «Электростанции Донбасса беспризорны, за ними никто не смотрит. Хозяйственники относятся к энергохозяйству как к подсобному предприятию, и в результате этого, в энергохозяйстве имеются тысячи неполадок, неувязок, перебоев» [*Там же*, с. 6].

Кржижановский утверждает, что после того, как открылся доступ к вредительским документам, стала ясна природа частых аварий и срывов ввода новых генераций. Это не традиционные расхлябанность и низкая дисциплина. «Вчитываясь в показания наших вредителей, — замечает автор, — мы видим, что здесь налицо определенные ставки и достижения наших классовых врагов» [*Там же*].

Используя показания Рамзина, Кржижановский оценивает Промпартию как организацию с высокой степенью конспиративности: «Она была образована по системе обособленных цепочных связей, приуроченных к определенным отраслям народного хозяйства. Эти цепочки не знали друг друга. Контакт происходил только через верховные звенья. Даже в одной и той же цепочке высшее звено не имело непосредственного контакта со звеньями периферии. По глазомеру Рамзина выходит, что центр состоял из 40–50 человек. Непосредственно к этому центру примыкало 400–500 человек» [*Там же*, с. 7].

При анализе стратегии вредительства Глеб Максимилианович уделяет главное внимание «максималистскому» формату действий Промпартии. Речь идет о так называемой методологии омертвления капитала, т. е. о вложении средств в долговременное строительство, плоды которого достанутся тем, кто придет к руководству после крушения советской власти.

Кржижановский подробно анализирует действия заговорщиков на топливной стезе. Он утверждает, что и Рамзин, и Ларичев прилагали огромные усилия для дискредитации местных топлив, прежде всего торфа и подмосковного угля. Делалось это с целью создания топливного коллапса, который возник бы в случае военного столкновения Советской России с капиталистическим миром, поскольку была бы выведена из строя транспортная сеть, соединявшая центр России с Донбассом и нефтью Северного Кавказа.

Главным направлением в блокировании торфоиндустрии было создание препятствий для получения и сжигания фрезерного торфа и разведки и подготовки болот как главного источника торфодобычи. Основным направлением вредительства по подмосковному углю было создание помех в совершенствовании методов его сжигания в пылевидном состоянии. Значительный урон, полагает докладчик, был нанесен нефтяному хозяйству. Вредительство поразило разведку топливных пластов, методы и технику бурения, технологические процессы добычи при переработке сырья, организацию транспортировки нефти, сложные и небезопасные проблемы ее складирования и хранения.

Особый простор для вредительской деятельности, согласно Кржижановскому, представлял Донецкий бассейн. Враги, как замечает автор, достигли значительных

успехов, создав ситуацию необходимого выбора приоритетной части «двухзвенных сцепок»: ВСНХ — Госплан; топливо — металл; действующие и законсервированные шахты и т. д. В поисках безошибочного решения вредителям удалось в несколько этапов редуцировать количество намеченных к строительству шахт с 30 до 13. Кроме того, исходя из экономических расчетов, они сумели доказать целесообразность сохранения сезонного характера работ в Донбассе и ориентацию на строительство средних и мелких шахт. И то, и другое неизбежно вело к снижению темпов индустриального развития.

В контексте темы Донбасса Кржижановский подверг жесткой критике работу руководимого Рамзиным до недавнего прошлого Всесоюзного теплотехнического института. Крупнейшая в мире научная структура дистанцировалась от решения актуальных проблем индустриализации и впала в мелкотемье. Автор замечает, что только после его личного вмешательства был создан Всесоюзный энергетический комитет (ВЭК), призванный координировать работу электротехнического и теплотехнического направлений энергетики и обеспечивать фундаментальность изысканий, востребованных потребностями технологического прорыва.

Кржижановский пытается найти ответ на вопрос об источниках успехов вредителей, опираясь при этом на самокритичный анализ упущений и непозволительной доверчивости в условиях нарастания классовой борьбы и милитаристских устремлений капиталистического мира в отношении Советской России.

«Наша главная беда в том, — полагает Глеб Максимилианович, — что мы недооценили те сдвиги, которые должны были сделать сами в себе, в своей настороженности, в своей оценке как общей ситуации, так и работников при наступлении переломного момента. Каким образом вредителям удалось нанести глубочайший удар <...> в деле, которое мы старались защитить всеми своими силами? Именно в том направлении, теми методами, которые Рамзин удачно характеризует, как “методы насыщения противоречий действительности до предела”» [*Там же*, с. 20]. И чуть дальше Глеб Максимилианович сам же пытается ответить на поставленный вопрос. «Наша беда заключалась в том, что мы приписывали и дефекты строительства, и дефекты стандартизации естественной слабости наших кадров, естественным трудностям грандиозного строительства в совершенно необычайной организационной и социальной обстановке. Лазутчики вражеского стана ловко использовали эту обстановку, насыщая ее противоречиями до отказа» [*Там же*, с. 22]. И тут же автор пытается объяснить имевшие место упущения: «Трудно вскрывать в технике нити вредительства, когда опытные специалисты жонглируют поисками лучших вариантов, да еще тщательно замаскировывая свое вредительство искусственными дискуссиями» [*Там же*].

Вредителям помогало тематическое разнообразие их усилий. Это ложные показания геологов, аварии и неподготовленность как железнодорожных магистралей, так и подвижного состава, искусственное затягивание проектирования, экспертиз и отработки технологий добычи и сжигания торфа и антрацитового штыба. Это преднамеренная необязательность производителей и поставщиков оборудования, внеплановый пересмотр стандартов и нормативных правил, немотивированное введение новых положений в сфере производственного строительства и эксплуатации оборудования. Эти и другие организационно-производственные сферы деятельности активно использовались, по мнению Кржижановского, в борьбе с индустриальным рывком страны.

В контексте вопроса о масштабах вредительства и степени защищенности от него энергетического хозяйства Глеб Максимилианович отмечал: «Мы еще совершенно не на высоте ни по рационализации выработки электрической энергии, ни по рационализации ее потребления» [*Там же*, с. 24]. Речь шла о том, что недостаточная квалификация обслуживающего персонала облегчает противоправные действия злоумышленников. Развивая сказанное, он продолжал: «Вы, товарищи, видели, как вредители использовали те разрывы в нашем плановом хозяйстве, которые были ему присущи по общим условиям нашего строительства. Вы видели, как они использовали разрывы между планом и выполнением плана, между работой плановых органов и оперативных органов, как они противопоставляли слабости наших собственных кадров свои сплоченные силы» [*Там же*, с. 25].

Текст докладов и статьи отличают полемичность языка и жесткая обличительная критика вредителей. Антигерои предстают как «фашиствующий» Рамзин, «двурушник» Осадчий, «вредитель» Горев и т. д. Наибольший интерес представляет мистическая оценка Кржижановским крупнейшего теплотехника К.В. Кирша. Рассказывая о своем опыте работы над планом ГОЭЛРО, Глеб Максимилианович вспоминает: «...я пользовался работами всей группы теплотехников, примыкавших в свое время к проф. Киршу, который заблаговременно умер до своей вероятной измены» [*Там же*, с. 16]. По-видимому, Глеб Максимилианович, ко всем своим талантам, обладал еще и даром ясновидения.

Несмотря на невеселую тему статьи, автор нашел силы и слова закончить ее на оптимистической ноте: «Нет такой вражеской рати, которая могла бы стереть со скрижалей истории наши завоевания» [*Там же*, с. 26].

Анализ инвектив, выдвинутых Кржижановским против подсудимых, свидетельствует о полном отсутствии в его обвинениях какой-либо теоретико-методологической или фактографической новизны. Своим авторитетом и статусом Глеб Максимилианович лишь укрепил коварно-лживую трактовку высокой аварийности и недопустимо низких темпов индустриального развития: это осознанное вредительство внутренних врагов советской республики, активно поддерживающееся агрессивно-милитаристскими кругами капиталистического Запада. Вся документальная база процесса основывалась на неизвестно как организованных покаяниях подсудимых. Объективные причины провалов: неизвестность нового, нереально высокие темпы планового развития, изношенность оборудования, нехватка инженеров, низкая квалификация рабочих и др. — жестко отметались. Материалы статьи были использованы Кржижановским при подготовке брошюр «Вредительство как оно есть» и «Вредительство в энергетике» [*Кржижановский*, 1930b, 1931].

Пик активной включенности Кржижановского в трагическое и непристойное действо борьбы с «вредительством» был исторически непродолжительным и длился с 1929 по 1931 г. Ни до, ни после ученый не был замечен на ниве всенародной беды. Что касается трехлетнего нравственного срыва, то, скорее всего, антивредительские инвективы Кржижановского были вынужденным инстинктивным актом самосохранения.

Продемонстрировав своим активным участием в борьбе с «вредительством» полную солидарность с проводимой руководством страны политикой, Г.М. Кржижановский, по-видимому, счел целесообразным заявить о поддержке и высокой оценке деятельности лично Сталина как последовательного и твердого продолжателя дела Ленина. В речи на торжественном пленуме Мособлисполкома и Моссовета,

проходившем 25 декабря 1930 г. в Большом театре, Глеб Максимилианович произнес: «Мы, работники на фронте энергетики, можем действительно радоваться отношению такого ленинца, каким является т. Сталин, к позициям плана ГОЭЛРО. Его положительная оценка пронизана действительным началом, пронизана желанием как можно скорее пустить в ход те рычаги, которые даются этим планом. Без всяких резиньяций (колебаний), без всякого скепсиса» [*Кржижановский*, 1933, с. 447].

После трудностей с разработкой и реализацией первого пятилетнего плана Кржижановский не был изгнан из Госплана, а лишь переведен на должность заместителя В.В. Куйбышева — нового руководителя структуры. В целях сохранения бесконфликтности и доброжелательности в отношениях Валериан Владимирович направил своему именитому предшественнику теплое благодарственное послание: «Дорогой Глеб Максимилианович! Решением правительства Вы назначены руководителем Энергоцентра — органа, оперативно осуществляющего и воплощающего в жизнь ленинский план электрификации. В течение 10 лет Вы были руководителем Государственной Плановой Комиссии, выросшей из Государственной Комиссии по электрификации России. Ваши заслуги в создании ГОЭЛРО, составленного Вами под непосредственным руководством Ленина, были отмечены высшим органом пролетарской диктатуры — ЦИКом СССР, наградившим Вас орденом Ленина. Верный ученик Ленина, Вы соединяете в себе широкий научно-теоретический кругозор с революционным энтузиазмом большевика, отдавшего 40 лет своей жизни делу рабочего класса.

Расставаясь с Вами, дорогой Глеб Максимилианович, Президиум Госплана уверен, что Вы и впредь останетесь неутомимым борцом за окончательную и полную победу планового начала во всем народном хозяйстве и на новом боевом посту обеспечите быстрый, решительный перелом и подлинно большевистские темпы электрификации» [*Карцев*, 1980, с. 340, 341].

Рис. 5. Творцы индустриализации. Слева направо сидят: Г.К. Орджоникидзе, А.П. Карпинский, А.Д. Архангельский, А.В. Винтер; стоят: Э.В. Брицке, Н.П. Горбунов, Г.М. Кржижановский, И.М. Губкин, Б.Е. Веденеев (1930)
Fig. 5. Creators of the GOELRO plan (1930). From left to right sitting: G.K. Ordzhonikidze, A.P. Karpinskiy, A.D. Arkhangelskiy, A.V. Vinter; standing: Ye.V. Britske, N.P. Gorbunov, G.M. Krzhizhanovskiy, I.M. Gubkin, B.E. Vedeneev

За Кржижановским были сохранены все «кресла» и звания: членство в ЦК ВКП(б), ВЦИК и ЦИК СССР, звание академика, пост вице-президента АН СССР. В 1931 г. его назначают председателем правления вновь образованного Энергоцентра СССР — прообраза будущего наркомата, а с 1945 г. Министерства электро-

станций. Одновременно он становится директором созданного по его инициативе Энергетического института АН СССР (ЭНИН) и возглавляет его вплоть до своей кончины в 1959 г. В 1932 г. Кржижановский занимает пост председателя Всесоюзного комитета по высшему техническому образованию при ЦИК СССР, а спустя восемь месяцев, в 1933 г., — председателя Всесоюзного совета научно-инженерных и технических обществ (ВСНИТО).

Период устойчивой и достаточно благополучной жизни длился недолго. В 1937 г. органы НКВД перехватывают и доводят до сведения И.В. Сталина письма Кржижановского к старым большевикам, содержавшие критические отзывы о вожде. Трагический исход ситуации становится вполне реальным. Однако вскоре Ежову поступает высочайший рескрипт: «Автора не трогать», а Глеба Максимилиановича избирают депутатом Верховного Совета СССР (подробнее см.: [*Флаксерман*, 1964]). Одновременно за Кржижановским и его текстами был установлен более тщательный контроль. В 1939 г. Глеб Максимилианович был освобожден от должности вице-президента АН СССР с целью концентрации его управленческого потенциала на руководстве Энергетическим институтом.

Таким образом, в тяжелейшие, переполненные политической и судебной турбулентностью 1930-е гг. Г.М. Кржижановский не был ни оттеснен на задний план, ни тем более репрессирован, а напротив, отмечен как мудрый и все понимающий администратор и ученый. Свидетельством тому было издание его фундаментального трехтомного собрания сочинений в период 1933–1936 гг. Таких почестей удостаивались единицы.

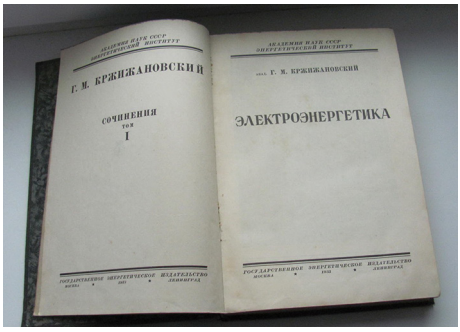


Рис. 6. Электроэнергетика — том 1 сочинений Г.М. Кржижановского в трех томах (М.; Л.: Энергоиздат, 1933)

Fig. 6. Electric power industry — volume 1 of the G.M. Krzhizhanovskiy compositions in 3 volumes (Moscow, Leningrad: Energoizdat, 1933)

Концепт неприкосновенности был незыблем и сохранялся на протяжении яркой, результативной, длительной и достаточно благополучной по меркам советской эпохи жизни Г.М. Кржижановского. Очевидно, что не просто активная, а и инициативная борьба с «вредительством», достигшая апогея в рамках процесса над Промпартией, а также издание брошюры с речью Кржижановского к десятилетию плана ГОЭЛРО, содержавшей славословие вождю, были оценены по достоинству. Подтверждением тому служит вручение Глебу Максимилиановичу ордена Ленина «За исключительные заслуги в области электрификации СССР», состоявшееся в декабре 1930 г., через несколько дней после окончания судилища над Промпартией.

Покровительственное поведение власти в отношении Глеба Максимилиановича можно сравнить с аналогичной ситуацией в отношении Л.К. Рамзина (подробнее см.: [*Гвоздецкий, Будрейко*, 2020]).

Незаменимость и потенциальная востребованность Г.М. Кржижановского с новой силой заявили о себе в 1950-е гг. В сентябре и октябре 1953 г., т. е. дважды в течение двух месяцев (невероятный случай для мирного времени), он был награжден орденами Ленина «За выдающиеся заслуги в электрификации народного хозяйства СССР». Спустя два с половиной года Глеб Максимилианович еще раз был удостоен ордена Ленина «За участие в революции 1905 г.». Через десять месяцев, в январе 1957 г., ему присваивают звание Героя Социалистического Труда.

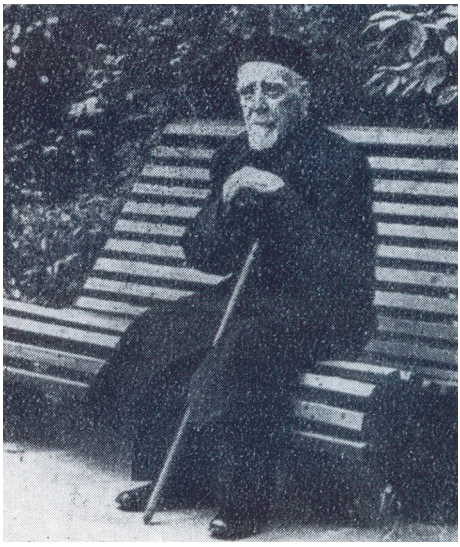


Рис. 7. На закате жизни (октябрь 1958 г.)
Fig. 7. In the twilight of life. (october 1958)

Память о Глебе Максимилиановиче увековечена в многочисленных публикациях, скульптурах, филателистических и филокартических миниатюрах. Его имя носят улицы и энергетические объекты страны. Уже несколько десятилетий в самом центре Москвы функционирует мемориальный музей Г.М. Кржижановского. Пройденный Кржижановским путь нельзя назвать ни легким, ни абсолютно светлым, и уж тем более чистым. Было все, но результаты огромны, и они впечатляют значимостью и масштабами совершенного. Можно утверждать лишь одно: жизнь Глеба Максимилиановича Кржижановского — это зеркальное отражение жизни страны первой половины XX столетия со всеми ее сложностями и противоречиями.

Литература

В.И. Ленин об электрификации. М.: Госполитиздат, 1964. 494 с.

Гвоздецкий В.Л. План ГОЭЛРО — энергетическая программа развития страны. М.: РАО ЕЭС, 2005. 28 с.

Гвоздецкий В.Л., Будрейко Е.Н. Забвению не подлежит (к 100-летию плана ГОЭЛРО и 90-летию процесса по делу Промышленной партии) // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 1. С. 28–52.

Гвоздецкий В.Л., Будрейко Е.Н. Манифест о намерениях (К 100-летию плана ГОЭЛРО) // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 1. С. 7–33.

Докладная записка ОГПУ о ликвидации наиболее важных к.-р. организаций в СССР за период с 1930 г. по 1933 г. 25 декабря 1933 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://istmat.info/node/62339 (дата обращения: 20.06.2021).

Карцев В.П. Кржижановский. М.: Молодая гвардия, 1980. 384 с. (Сер. ЖЗЛ).

Кржижановский Г.М. Вредительство в энергетике // Плановое хозяйство. 1930a. № 10–11. С. 5–26.

Кржижановский Г.М. Вредительство как оно есть. М.; Л.: Госиздат, 1930b. 40 с.

Кржижановский Г.М. Вредительство в энергетике. М.: Соцэкгиз, 1931. 32 с.

Кржижановский Г.М. Сочинения. Т. 1: Электроэнергетика. М.; Л.: Энергоиздат, 1933. 628 с.

Кржижановский Г.М. Избранное. М.: Госполитиздат, 1957. 568 с.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. М.: Госполитиздат, 1967. 498 с.

Маркин А.Б. Глеб Максимилианович Кржижановский // Люди русской науки. Техника. М.: Наука, 1965. С. 589–601.

Процесс Промпартии (25 ноября — 7 декабря 1930 г.). Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. М.: ОГИЗ — Советское законодательство, 1931. 544 с.

Сталин И.В. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1947. Т. 5. 446 с.

Сталин И.В. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1949. Т. 11. 382 с.

Сталин И.В. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 13. 424 с.

Сталин И.В. Сочинения. 2-е изд. М.: Информ.-издат. центр «Союз», 2007. Т. 14. 802 с.

Флаксерман Ю.Н. Глеб Максимилианович Кржижановский (1872–1959). М.: Наука, 1964. 248 с.

What They Do Not Want to Remember[5] (To the 150th Anniversary of G.M. Krzhizhanovskiy)

Vladimir L. Gvozdetsky

Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
e-mail: gvozdetskij@inbox.ru

Ekaterina N. Budreyko

Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
e-mail: budrejko@inbox.ru

[5] This work is the completion of V.L. Gvozdetsky and E.N. Budreyko's research triad "Not Consign to Oblivion". The first and second articles "Not Consign to Oblivion" and "Manifest of Intentions" are published in the journal "Sociology of Science and Technology" (2020, № 1; 2021, № 1). The article "What They Do Not Want to Remember" completes the cycle of works about the tragic and great era "We Have Ten Years Left".

The article analyses the influence of the realities of Soviet reality on the fate of the scientific and technical intelligentsia during the industrialisation of the country. The central figure of the study is a major party worker and statesman, vice-president of the USSR Academy of Sciences, chairman of the GOELRO Commission and the Gosplan created on its basis, the main ideologist of domestic energy development, the creator and permanent director of the Energy Institute of the USSR Academy of Sciences, G.M. Krzhizhanovskiy.
The thematic basis of the context of the article is the objective and subjective circumstances that complicated the state and research activities of Krzhizhanovskiy. The prelude to the plot "Krzhizhanovskiy against sabotage" is a note by the deputy chairman of the Joint State Political Directorate , G.G. Yagoda, about the scale of counter-revolutionary actions in the country, addressed to I.V. Stalin (1933). The document allows us to understand the reasons why the authors focused their attention on the situation that had developed by the end of the 1920s, when the anti-sabotage campaign began to grow in the country. The article analyses the circumstances and chronicle of Krzhizhanovskiy's active involvement in the processes of identifying saboteurs: accusatory reports made on the eve of the trial of the Industrial Party, incriminating publications with invectives against specific specialists, as well as a detailed formulation of the concept of "sabotage", which "cleaned up" the way to large-scale judicial arbitrariness.
Within a cause-and-effect format the study considers both the reputational losses of Krzhizhanovskiy, due to his involvement in the fight against "sabotage", and the simultaneous preservation of all titles and posts for him, the subsequent repeated awarding of the highest state awards.
The authors do not give unambiguous assessments of the behavior of the hero, providing such an opportunity to the reader. At the same time, they claim that Krzhizhanovskiy has always been in demand by the authorities and found a common language with them, and the inevitable mistakes and sins in no way detract from the significance and scale of what this, undoubtedly, bright and talented person has done.
The article uses the publications of the journals "Planned Economy", the works of Krzhizhanovskiy published in the 1930s, as well as the rarely and fragmentally cited works of V.I. Lenin and I.V. Stalin.

***Keywords*:** power engineering, electrification, GOELRO plan, industrialisation, five-year plan, scientific and technical intelligentsia, Gosplan, sabotage, industrial party, trial, prosecution, V.I. Lenin, I.V. Stalin.

References

Flakserman, Yu.N. (1964). *Gleb Maksimilianovich Krzhizhanovskiy (1872–1959)*. Moskva: Nauka (in Russian).

Gvozdetskiy, V.L. (2005). *Plan GOELRO — energeticheskaya programma razvitiya strany* [GOELRO plan — energetic program of the development of the country], Moskva: RAO YeES (in Russian).

Gvozdetskiy, V.L., Budreyko, E.N. (2020). Zabveniyu ne podlezhit (K 100-letiyu plana GOELRO i 90-letiyu protsessa po delu Promyshlennoy partii) [Not consign to oblivion (To the centenary of the GOELRO plan and the 90th anniversary of the Industrial party trial)], *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy, 11* (1), 28–52 (in Russian).

Gvozdetskiy, V.L., Budreyko, E.N. (2021). Manifest o namereniyakh (K 100-letiyu plana GOELRO) [A manifest of intentions (Towards the centenary of the GOELRO plan)], *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy, 12* (1), 7–33 (in Russian).

Dokladnaya zapiska OGPU o likvidatsii naiboleye vazhnykh k.-r. organizatsiy v SSSR za period s 1930 g. po 1933 g. 25 dekabrya 1933 g. [Internal memorandum of JSPD about the liquidation of the most important counterrevolutionary organizations for the period from 1930 to 25 December 1933]. Available at: http://istmat.info/node/62339/ (date accessed: 20.06.2021) (in Russian).

Kartsev, V.P. (1980). *Krzhizhanovskiy. Ser. ZhZL* [Krzhizhanovskiy. Series "Life of Remarkable People"], Moskva: Molodaya gvardiya (in Russian).

Krzhizhanovskiy, G.M. (1930a). Vreditel'stvo v energetike [Sabotage in power engineering], *Planovoye khozyaystvo,* no. 10–11, 5–26 (in Russian).

Krzhizhanovskiy, G.M. (1930b). *Vreditel'stvo kak ono yest'* [Sabotage as it is], Moskva; Leningrad: Gosizdat (in Russian).

Krzhizhanovskiy, G.M. (1931).*Vreditel'stvo v energetike* [Sabotage in power engineering], Moskva: Sotsekgiz (in Russian).

Krzhizhanovskiy, G.M. (1933). *Sochineniya, t. 1: Elektroenergetika* [Compositions, vol. 1: Electric power], Moskva; Leningrad: Energoizdat (in Russian).

Krzhizhanovskiy, G.M. (1957). *Izbrannoye* [Selected works], Moskva: Gospolitizdat (in Russian).

Lenin, V.I. (1967). *Polnoye sobraniye sochineniy* [Completed works], t. 52, Moskva: Gospolitizdat (in Russian).

Markin, A.B. (1965). Gleb Maksimilianovich Krzhizhanovskiy, in *Lyudi russkoy nauki. Tekhnika* [Pople of Russian science. Technology] (pp. 589–601), Moskva: Nauka (in Russian).

Protsess Prompartii (25 noyabrya — 7 dekabrya 1930 g.). Stenogramma sudebnogo protsessa i materialy, priobshchennyye k delu [The Industrial Party trial (November 25 — December 7, 1930). Court trial minutes and materials attached to the file] (1931). Moskva: OGIZ — Sovetskoye zakonodatel'stvo (in Russian).

Stalin, I.V. (1947). *Sochineniya* [Compositions], t. 5, Moskva: Gospolitizdat (in Russian).

Stalin, I.V. (1949). *Sochineniya* [Compositions], t. 11, Moskva: Gospolitizdat (in Russian).

Stalin, I.V. (1951). *Sochineniya* [Compositions], t. 13, Moskva: Gospolitizdat (in Russian).

Stalin, I.V. (2007). *Sochineniya* [Compositions], t. 14, Moskva: Inform.-izdat. tsentr "Soyuz" (in Russian).

V.I. Lenin ob elektrifikatsii [V.I. Lenin on electrification] (1964). Moskva: Gospolitizdat (in Russian).